

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ А.Я. БУЛГАКОВА В ЕГО ПЕРЕПИСКЕ С В.А. ЖУКОВСКИМ (НА МАТЕРИАЛЕ ДВУХ ПИСЕМ А.Я. БУЛГАКОВА В.А. ЖУКОВСКОМУ 1830–1835 гг. ИЗ АРХИВА ИРЛИ РАН)

Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

В научный оборот вводятся два письма 1830–1835 гг., принадлежащих перу московского почт-директора А.Я. Булгакова и адресованных В.А. Жуковскому. Эти письма интересны репрезентацией личности А.Я. Булгакова, известного широкой общественности преимущественно в возмутительной роли почтмейстера, вскрывавшего письма А.С. Пушкина. Реальная фигура А.Я. Булгакова, нашедшая отражение в его переписке с В.А. Жуковским, оказывается более сложной и значительной.

Ключевые слова: А.Я. Булгаков; В.А. Жуковский; русская эпистолярная культура; текстология

На первый взгляд, публикация двух писем 1830–1835 гг., принадлежащих перу московского почтового директора А.Я. Булгакова и адресованных В.А. Жуковскому, что хранятся в архиве Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (ИРЛИ РАН), вряд ли может почитаться реализацией одной из наиболее актуальных тенденций, отличающих современное состояние отечественной филологической мысли, и предстает скорее результатом достаточно частных наблюдений – как и выход в свет 17-томного булгаковского дневника «Современные записки и воспоминания мои», фрагментарно опубликованного стараниями С.В. Шумихина [1–6], отмечавшего при том, что дневник этот «в настоящее время остается, пожалуй, единственным источником такого уровня и масштаба, который опубликован лишь частично (если сравнивать с полным объемом этого исторического айсберга, то в весьма небольшой своей части)» [7]. Справедливость столь высокой оценки публицистического и эпистолярного наследия московского почт-директора находит подтверждение и в публикуемых письмах, которые, не затрагивая столь судьбоносных для эпохи тем, как смерть Н.В. Гоголя, которую возвестил пребывавшему в Германии Жуковскому именно Булгаков [8. С. 510], вместе с тем представляют интерес с точки зрения не только репрезентации личных отношений двух адресатов, но и как историко-литературный факт, ибо, не присовокупляя чего-то значимого к известным фактам, все же весьма показательны в том, что касается характеристики личности московского почт-директора.

Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863), памятный без малого четвертьвековой службой в должности московского почтового директора, как отмечает С.В. Шумихин, «нашим современникам, знакомым с XIX веком <...> известен преимущественно по эпизоду с перлюстрацией письма Пушкина к жене в 1834 году, когда Булгаков служил в должности московского почт-директора. Эпизод, безусловно, возмутительный, и Пушкин был взбешен. Этот случай заслонил в общественном сознании реальную фигуру Булгакова. В то же время, не отличаясь “выспренним” умом и бывший в высшей степени земным и практи-

ческим человеком, он все же был и сложнее и значительнее, чем человек с репутацией вскрывателя чужих писем» [7]. Аккурат этим атрибуция Булгакова зачастую и исчерпывается – а между тем московский почт-директор был близким приятелем, помимо В.А. Жуковского, также «звезды разрозненной плеяды» и «декабриста без декабря» П.А. Вяземского, без усилий которого «в области поэзии мысли картина русской поэзии 1820–1830-х годов лишилась бы важной и необходимой краски – интеллектуального блеска. Каламбуры, афористические стихи, эпиграмматические остроты, куплетные рефрены – во всем этом мастерство Вяземского неоспоримо, и все это входило как в повседневный быт русского общества, так и в арсенал русской словесной культуры» [9. С. 202], и А.И. Тургенева – полуопального автора «Хроники русского», чей «“кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего” (как Пушкин определил публицистику Тургенева) формировал новый взгляд на жизнь и окружающий мир» [9. С. 17]. Это дает повод счесть, что «ловкий, любезный, “всеобщий одолжитель”, как его именовали в кругу пушкинских приятелей» [10. С. 157], «н<е>годяй» Булгаков» [11. С. 219], согласно презрительному именованию самого Пушкина в предупреждении жене тщательно выбирать слова в эпистолах, могущих попасть в руки «Сашки Булгакова», был хоть и спорной, но все же куда более неоднозначной личностью, нежели исключительно соответствовал расхожему представлению о нем как о человеке, что «соединял в одном лице Шпекина и Загорецкого» [10. С. 157].

Записной вельможа, А.Я. Булгаков имел «в обществе обеих столиц репутацию образованнейшего человека» [7], чья «светская ловкость и любезность в обхождении, дополняющаяся личным благоволением государя Николая Павловича (император особенно отличал младшую дочь Булгакова Ольгу, а старшая, Екатерина, до замужества была фрейлиной императрицы), открывали ему доступ в великосветские московские и петербургские салоны и во дворец» [7]. Именно это обстоятельство снискало московскому почт-директору славу «“ходячей хроник[и]” новостей, всезнающ[его] коллекционер[а] пикантных подробностей из жизни обеих столиц» [12. С. 116]. Отличав-

шийся широчайшей осведомленностью относительно того, что происходило в стране и мире, А.Я. Булгаков был прилежным, вдумчивым (пусть суждения верно-подданного отставного дипломата и отличаются известной одиозностью) и не лишенным остроумия летописцем и хроникером «стенографической и живо-трепещущей истории текущего дня» [13. С. 184], зафиксированной в его ежедневной переписке с младшим братом Константином [14–16]. Неслучайно Вяземский, характеризуя Булгакова, цитирует письмо к тому Жуковского и говорит, что «ты рожден гусем, т.е. все твое существо утыкано гусиными перьями, из которых каждое готово без устали писать с утра до вечера очень любезные письма» [13. С. 189], имея в виду, что московский почт-директор «любил писать письма, зачастую – весьма пространные, изобиловавшие многоразличными подробностями, был мастером эпистолярной и стремился как первым сообщать московскому свету о петербургских происшествиях, о которых он узнавал сначала от брата, с 1819 года являвшегося почтовым директором в Петербурге, а после смерти последнего в 1835 году – от иных многочисленных своих корреспондентов, так и держать друзей, находящихся далеко, в курсе событий, имевших место в Москве, да и не только в Москве (так, например, собственно Жуковский, который после женитьбы на Елизавете Рейтерн в 1841 году поселился в Дюссельдорфе, а в 1844 году чета переселилась во Франкфурт-на-Майне, узнавал о том, что происходит в России, во многом благодаря письмам Булгакова, правда, не всегда удостоивавшимся ответа)» [17. С. 23].

Всем посланиям московского почт-директора свойственна подчеркнутая направленность на адресата, апеллированием к духовной жизни последнего интимизирующая даже изложение реалий обыденной жизни русской аристократии XIX столетия и великосветских комеражей. Поэту, долгое время пребывавшему вне России, крайне повезло иметь в лице Булгакова столь искренне расположенного к нему «исправнейшего корреспондента», как тот сам рекомендует себя в письме Жуковскому от 21 декабря 1843 г. [18. Л. 37], поскольку он не только, «исполняя должность московского почт-директора <...> из года в год пересылал адресатам Жуковского нужные письма, отыскивая его родных и знакомых в самых разных городах России. Жуковский не уставал благодарить Булгакова за доставление писем и вновь пересылал ему пакеты и пакетцы, которые Александр Яковлевич переправлял по назначению», но и, как уже было сказано выше, усердно и безотказно снабжал поэта новостями, оставаясь «в последние годы жизни Жуковского <...> одним из немногих, кто рассказывал Василию Андреевичу о том, что происходит в России» [8. С. 510]. Разумеется, обширная переписка Жуковского со множеством конфиденентов не позволяет утверждать, что восприятие поэтом происходящего в жизни московского и петербургского высшего света определялось исключительно призмой повествуемого ему Булгаковым, однако то, что это в некоторой степени соответствует действительности, представляется вполне вероятным; и это влияние на великого поэта, сыгравше-

го одну из ведущих ролей в становлении национального своеобразия русской словесной культуры ее золотого века, выявляет ценность публикуемых писем как источника биографической и историко-литературной информации.

Публикуемые письма А.Я. Булгакова написаны на листах серой почтовой бумаги, сложенных вдвое. Второе послание, от 10 августа 1835 г., предваряется цветным изображением Московских триумфальных ворот (Триумфальной арки) (лист 5), причем изображенное находит отражение в тексте письма: подробное «Москва, даже Крухмальные ворота» (каковое обозначение напоминает о владении собеседником Жуковского инструментарием и лексикой XVIII столетия). Московский почт-директор никогда не отличался образцовым почерком, что не раз когда иронически, а когда и с подлинной обидой обыгрывается в его переписке в том числе с Жуковским (так, в письме от 31 января 1842 г. он пишет: «Я готов к тебе писать не столько исполняя желание твое, как по собственному побуждению сердца, но ты поставил меня в тупик: ты не разбираешь моей руки, а мне уже поздно в 60 лет опять начать учиться писать. Ежели ты так глуп сделался с того времени, что переселился на берега Рейна, то выучи жену свою русской грамоте, она, верно, в три месяца будет уметь меня читать, и не быв, как ты, завистлива, верно скажет, что я чрезвычайно умен, мил и любезен и имею прекраснейший почерк. У моего князя Александра Николаевича Голицына глаза и хуже и старше твоих, да он разбирает мою руку; ты просто блажишь, по линейкам и следующим шрифтом Я, ПРАВО, К ТЕБЕ ПИСАТЬ НЕ СТАНУ (написано каллиграфическим почерком. – Е.Т.). Времени не станет. Надобно полагать, что добрая твоя жена ужасно тебя избаловала. Я уже жаловался Вяземскому на тебя, а теперь жалуюсь тебе самому на претензии твои, а между тем по сродному душе моей милосердию пишу тебе вновь. Пошли письмо мое в Париж к Мицкевичу или в Прагу богемскую, там найдутся мастера разобрать зашифрованную мою депешу. Я не знаю, не шутка ли все, что ты мне наврал, но я тебе серьезно подтверждаю, что лучше этого писать не могу – но оставим это» [18. Л. 13–13 об.]), однако в данном случае Булгаков весьма аккуратен, строчки выписаны довольно ровно. В письме от 10 августа 1835 г. наличествует сделанная рукой Булгакова помета, маркирующая указание на прилагаемые материалы (здесь – расписки в получении двух писем, что просил доставить Жуковский). Также на страницах обоих писем присутствуют карандашные пометы, имеющие место на двух листах: в первом случае – на листе 3 (подчеркнутое «1830» в левом верхнем углу и «А.Я. Булгаков»верху справа), во втором – на листе 5 («1835» в левом верхнем углу); очевидно, все указанные пометы связаны исключительно с решением функциональных задач каталогизации посланий, и потому ныне установление авторства данных обозначений представляется практически неосуществимым.

Первое письмо, датированное 31 октября 1830 г., начинается шутивым приветствием, что характерно для эпистолярной манеры общения Булгакова с Жу-

ковским, после чего московский почт-директор извещает приятеля о комиссии, полученной от Вяземского. Затем Булгаков успокаивает поэта, обеспокоенного первой в истории России вспышкой холеры, самого смертоносного в XIX в. инфекционного заболевания, в чем проявляется известная внутренняя стойкость пребывающего в Москве верного друга и корреспондента Жуковского. Первые признаки болезни появились в Петербурге лишь в апреле 1831 г., тогда как в «белокаменную» «моровое поветрие» пришло в сентябре 1830 г. И если в случае Жуковского зловещие слухи противились вдохновению и не располагали к творчеству, повергая тонко чувствующего поэта в уныние, то Булгаков, находящийся непосредственно в охваченном «собачьей смертью» городе, делает оптимистические прогнозы относительно того, что «мы скорее все выздоровеем, нежели умрем», и верноподданнически восхищается мужественным поступком императора Николая I, что «полетел в матушку Москву делить скорбь и опасности» и тем предотвратил распространение паники. Здесь Булгаков, который, по словам С.В. Шумихина, «был наделен своего рода “архивным инстинктом”» [7] (не зря в письме от 1 мая 1843 г. он пишет: «Я ужасно люблю рассказы старых людей, кои играли некоторую роль сами или были свидетелями достопамятных происшествий: вот истинные и лучшие источники для истории!» [18. Л. 33]), иронично приводит прямо противоположное поведение высших московских кругов во время эпидемии чумы 1770–1772 гг. и упоминает Вяземского, который «пишет <...> дельно», и приводит его бонмо: «бывало, близ царя – близ смерти, а государь переменял пословицу для себя: близ народа, близ смерти». Далее автор письма жовиально предвкушает то, что «на Большом театре будет комедия и дивертисман», сопровождая это остроумным, пусть и невеселым по сути сопоставлением культурной жизни Москвы с состоянием помпейского театра после извержения Везувия, уведомляет о помолвке своей младшей дочери, красавицы Ольги, с князем А.С. Долгоруковым, кокетливо пеняет 47-летнему Жуковскому, мол, «ты все еще церемонишься в мужья записаться», тогда как сам он «того и гляди что в дедушки» попадет (напомним, что московский почт-директор не намного старше поэта – ему в то время было без малого 49 лет)¹, и, наконец, жизнерадостно завершает послание очередным уверением в том, что «холера не пристанет», и с редкой диалектичностью упоминает «Пустынника» как один из ярчайших примеров балладного «театра страстей» Жуковского, «где в экстремальных обстоятельствах обнажались страсти, в драматических ситуациях проявлялись характеры» [9. С. 87], – и это удивительно уместное напоминание звучит как призыв к неизменному жизнелюбию, к тому, чтобы не подчиняться обстоятельствам, но преображать их творчеством. В этом письме представлен абрис жизненного пространства Булгакова – от искреннего преклонения перед императором до пристрастия к культуре, – в коем дружба занимает значимое место, что очевидно как в самом тоне собственно письма Жуковскому, так и, скажем, в упоминаниях Вяземского.

В отличие от письма от 31 октября 1830 г., открывающегося мягким упреком адресата в манкировании им долгом корреспондента («Между нами давно заведено любить друг друга нежно, но молча»), датированное 10 августа 1835 г. после обязательной юмористической преамбулы, увенчивающейся воззванием активно писать, ибо «при сих верных оказиях» и на долю Булгакова «парочка слов перепадает», следует изъяснение признательности «за строки от 4 авг<уста>», в которых Жуковский как раз и просит доставить несколько писем, об исполнении чего Булгаков ему и рапортует, наряду с этим высказывая свое как почтового директора мнение относительно оптимального способа доставки корреспонденции определенному получателю. Завершается письмо выражением надежды на то, что путешествие царской четы в Германию в сопровождении генерала-адмирала, второго сына императора Николая I и Александры Федоровны, будет благоприятным, дружеской подколкой по поводу затянувшейся холостяцкой жизни Жуковского, непременно «Обнимаю тебя душевно. Христос с тобою», остротой, включающей практически обязательное французское «вкрапление», и замечанием о том, что «А<лександр> Тур<генов> умолк!». Между этим размещается краткая обмолвка о горе, постигшем Вяземского (подразумевается смерть его дочери от чахотки (см. примеч.)), и наказ «Обними его за нас всех и скажи ему, что ушко об нем вспоминает и горюет, что не слышит его голоса давно» (речь идет об одной из красавиц-дочерей Булгакова, которую насмешник Вяземский наградил означенным прозвищем из-за ее краснеющих в случаях стеснения ушей (см. примеч.)). Как и в предыдущем послании, жизнь и смерть соседствуют на страницах этого письма, но и тон его, и убежденность в благотворном воздействии времени, наконец, указанная интимная деталь, вводящая контекст человеческого общения, служащего противовесом мрачным мыслям о неизбежности и внезапности смерти, – все это свидетельствует о присущей Александру Яковлевичу Булгакову «непринужденной легкости, что была отличительным свойством его замечательной переписки с Жуковским» [17. С. 26] и что находит отражение и в слоге, отличающем его письма: живом, откровенном и задушевном, выдающем неподдельное умение заразительно жить и желание этим умением делиться с нуждающимися в поддержке друзьями.

Два представленных далее письма печатаются по автографам с учетом современных правил грамматики, орфографии и пунктуации. Расшифровка и перевод иноязычных «вкраплений» в публикуемых письмах выполнены д-ром филол. наук, проф. О.Б. Лебедевой.

1

Москва 31 октября 1830.

Здравствуй, душа моя! Я как грешники: как зане могут, так поскорее за попом. Нас холера навестила, и я принимаюсь к тебе писать. Но нет! Пишу оттого, что имею для доставления к тебе письмо от Вяземского¹. Между нами давно заведено любить друг друга

нежно, но молча. Я знаю от брата, что с тобою происходит. Холеру никто не понимает: но дело в том, что это болезнь не прилипчивая, потому что почти ни один прислужник в больницах не занемогал и не умер, это сильное поветрие, и я той веры, что в ком нет расположения в теле, к тому болезнь не пристанет, а у кого есть, так делай себе что хочешь – не уйдешь! Несмотря на скверную погоду, благодарение Богу, идет лучше: 28го было 48 только умерших и 98 выздоровевших. По этой прогрессии мы скорее все выздоровеем, нежели умрем. Мы до сих пор тронуты приездом сюда императора²⁾. Экая ангельская черта! Восстаньте из мертвых, великие мужи: градоначальник граф Салтыков, об<ер> полицмейстер Бахметев, губернатор Юшков! Помните, как показалась чума в Москве? Вы дай Бог тягу из нее³⁾, а государь наш, обожающий жену и детей, оставил их и полетел в матушку Москву делить скорбь и опасности. Вяземский пишет мне дельно: бывало, близ царя – близ смерти, а государь переменял пословицу для себя: близ народа, близ смерти; но Бог его помиловал, а нас ободрил, успокоил, охранил одним его появлением здесь. В Москве грустно, пусто, а газеты все публикуют, что на Большом театре будет комедия и дивертисман⁴⁾. Оно кстати. Холера не опустошила Москву, как некогда Везувий Помпею, но театры наши очень похожи теперь на тамошний стиль прекрасно сбереженный, в них все есть, кроме зрителей и актеров! Прости, что поздненько, но возвещаю тебе помолвку Ольги моей с князем Ал<ександром> Сер<геевичем> Долгоруким⁵⁾; что более его узнаю, то более имею причин любить его и радоваться этому союзу, от коего ожидаю утешение для старости моей! Ох да какое слово скверное! А нечего делать, того и гляди что в дедушки попаду, а ты все еще церемонишься в мужья записаться. Искать тебе, что ль, невесту? Обнимаю тебя душевно! Что ты боишься! Холера не пристанет. Все мои тебе усердно бьют челом и часто вспоминают, напевая *Пустынника*⁶⁾. Прощай, любезнейший мой. Будь здоров и не забывай душевно тебя любящего

и преданного
А. Булгакова

Автограф: ИРЛИ. № 27942. Л. 3–4 об.
Публикуется впервые.

¹⁾ Пишу оттого, что имею для доставления к тебе письмо от Вяземского. Вяземский, Петр Андреевич (1792–1878) – поэт и литературный критик, оставивший след также в исторических штудиях эпохи, переводческой деятельности, публицистике и мемуаристике. Имя В. называется в числе тех, кто составил круг поэтов, который принято называть теперь пушкинским, и в русле того, что «в русской лирике 1820–1830-х годов новые методы, суммарно определяются понятием – поэзия мысли» [19. С. 51], «облик лирического героя Вяземского <...> определяется его установкой на воспроизведение современной жизни, современного человека и современного сознания, текущей реальности. Разнообразные сферы общественного бытия, так волновавшие поэта, требовали их выражения в оригинальных формах, близких к журнальной публицистике. <...> Поэт-журналист, он формировал вкус публики к мысли как предмету лирики и приучал саму поэзию сопрягать мысль и чувство, чудные звуки и высокие мысли. Ему самому это не

всегда удавалось, он это понимал и высоко ценил поэзию своих друзей – Жуковского и Пушкина за этот дар» [9. С. 199, 202]. Ввиду этого неудивительно, что В. был близким другом и состоял в активной переписке с А.С. Пушкиным; понятна и его многолетняя дружба с В.А. Жуковским; куда более любопытно, что он являлся и верным корреспондентом братьев Булгаковых, свои воспоминания о которых начинает словами о том, что старший из братьев, «хотя собственно и не принадлежал ни Арзамасу, ни литературной деятельности нашей, был не менее того общим нашим приятелем, то есть Жуковскому, Тургеневу, Дашкову, мне и другим. Он был, так сказать, членом-корреспондентом нашего кружка» [13. С. 183].

²⁾ Мы до сих пор тронуты приездом сюда императора. 29 сентября 1830 года Николай I прибыл в Москву, в которой свирепствовала эпидемия холеры, и, пробыв в первопрестольной 10 дней, уехал успокоенным и уверенным в скорой победе над холерой. О его встрече с военным генерал-губернатором Дмитрием Владимировичем Голицыным сохранилось довольно ироничное по отношению к главе московской администрации свидетельство А.Я. Булгакова: «Государь изволил прибыть 29-го сентября в 10 часов утра и вышел из коляски прямо в наместнический дом на Тверской. <...> Можно себе представить удивление князя, увидя в зеркале лицо государя, тогда как он еще накануне имел от Е<го> В<еличества> приказание письменное посылать всякий день курьеров! <...> Замешательство его было еще более умножено страхом: что должен был Государь подумать, найдя наместника своего в столь смутное время в 10 часов еще не одетого! Но милосердный Николай, обняв его, начал разговор сими словами: “J’espre, mon Prince, que tout le monde Moscou se porte aussi bien que vous”. Потом, запрята князю одеваться наскоро, сел возле него и более полчаса говорил о вещах самонужнейших, изъявляя благоволение свое за содействие, <оказанное> князю высшим <и> низшим классами <...> одобрял взятые меры, кроме крестных ходов...» [2]. Отметим также, что в конце текста программного в болдинской лирике стихотворения «Герой» А.С. Пушкин выставляет дату «29 сентября 1830» и место – «Москва», что очевидным образом соотносится с прибытием императора в охваченную смертельной болезнью Москву.

³⁾ Восстаньте из мертвых, великие мужи: градоначальник граф Салтыков, об<ер> полицмейстер Бахметев, губернатор Юшков! Помните, как показалась чума в Москве? Вы дай Бог тягу из нее... Ирония Булгакова связана с известными событиями, сопутствовавшими эпидемии чумы 1770–1772 гг., которая была занесена в Москву во время Русско-японской войны. В 1771 году, в разгар эпидемии, город оставили главнокомандующий Петр Семенович Салтыков [20. С. 45] и гражданский губернатор Иван Иванович Юшков, а вслед за ними – и обер-полицмейстер Николай Иванович Бахметев. После отъезда должностных лиц руководство зараженным городом перешло к генерал-поручику Петру Дмитриевичу Еропкину, присланному из Северной столицы для помощи московским властям для того, чтобы чума «не могла и в самый город С.-Петербург вкратиться» [20. С. 46]. П.Д. Еропкин столкнулся с Чумным бунтом 15–17 сентября 1771 г. (разразившимся на следующий день после того, как Салтыков уехал в свое подмосковное имение Марфино), сопровождавшимся убийством архиепископа Амвросия. Непосредственным поводом к восстанию стало наложение упомянутым архиепископом Амвросием запрета на проведение молебнов у чудотворной Боголюбской иконы Божией Матери, которая, согласно поверью, могла исцелить от «моровой язвы». Вскоре все московские руководители, устыдившись проявленного малодушия, поспешили вернуться в Москву, но репутация их в глазах императрицы была подмочена в столь значительной степени, что в ноябре 1771 г. Салтыков был уволен в отставку; в том же

году обер-полицмейстером вместо Бахметева стал Николай Петрович Архаров; спустя два года должность гражданско-го губернатора оставил Юшков.

⁴⁾ *В Москве грустно, пусто, а газеты все публикуют, что на Большом театре будет комедия и дивертисман.* Предположительно речь идет о состоявшемся 10 февраля 1831 года бенефисе Марии Дмитриевны Львовой-Синецкой, в рамках которого ставилась романтическая мелодрама в 3 действиях Сент-Амана и Дюлона «с хорами, пением, танцами, фламандскими картинами и великолепным спектаклем» «Пебло, прекрасный садовник Валенсии».

⁵⁾ *Прости, что поздненько, но возвещаю тебе помолвку Ольги моей с князем Ал<ександром> Сер<геевичем> Долгоруким...* Булгакова, Ольга Александровна (1814–1865) – дочь А.Я. Булгакова, фрейлина двора Александры Федоровны, жены Николая I (с 1831 года), и фаворитка самого императора. В январе того же 1831 года вышла замуж за князя А.С. Долгорукова; на празднике, устроенном в доме молодоженов, присутствовал и А.С. Пушкин, оставшийся, по словам отца новоиспеченной княгини, «в восхищении от нее; говорил, что невозможно лучше Ольги соединять вместе роль девушки, только что поступившей в барыни, и хозяйки». Как отмечает И. Грачева, «в увлечении Пушкин признавался: “Я бы ее воспел, да не стихи на уме теперь”. Действительно, более чем неуместным было бы для поэта воспевать в стихах чужую жену накануне собственной свадьбы. Вскоре на одном из московских вечеров чета Пушкиных и супруги Долгоруковы, сидевшие рядом, оказались в центре всеобщего внимания. Булгаков с гордостью сообщал брату 23 февраля 1831 года: “Беспрестанно подходили любопытные смотреть на двух прекрасных молодых. Хороша Гончарова бывшая, но Ольге все отдадут преимущество”. <...> Оказалось, что ранее всех прелесть Оленьки успел оценить сам государь. Юную красавицу царь приметил на одном из маскарадов... Восторженные комплименты по поводу ее маскарадного костюма, видимо, вскоре повлекли за собой особые царские милости, которые в то время одни считали великой честью, другие – бесчестьем. Что касается отца Оленьки, то он, как образцовый подданный, с благоговейным почтением воспринял монаршее внимание. С гордостью рассказывал брату в письмах, как царь, посетивший Москву в 1831 году, интересовался подробностями жизни и замужества Оленьки и спрашивал: “Помнит ли она маскарад князя Волконского?” В этом, скорее всего, скрывался интимный намек... <...> Узнав, что Оленька в положении, царь с заботливым вниманием следил за состоянием ее здоровья, давал советы. <...> Николай стал крестным отцом девочки, которую нарек Александрой. <...> Брат царя, великий князь Михаил Павлович, относился к молодой княгине запросто, словно к человеку, близкому их домашнему кругу, и заезжал к ней, когда хотелось. <...> Но в то же время Ольга с присущим ей тактом сумела поставить себя так, что не потеряла ни уважения общества, ни симпатий друзей дома» [21]. Так или иначе, это послужило основанием для оскорбительного заявления Пушкина, который в одном из адресованных жене писем утверждает, что «н<егодя>й Булгаков» «не считает грехом ни распечатывать чужие письма, ни торговать собственными <дочерьми>» [11. С. 219].

Долгоруков (Долгорукий), Александр Сергеевич (1808/1810–1873) – представитель княжеского рода Долгоруковых, внесенного в Бархатную книгу. Службу начал чиновником канцелярии Министерства иностранных дел, но, прослужив весьма недолго, вышел в отставку для устройства хозяйства и управления имениями; впоследствии становится последовательно камер-юнкером (с 1832 года), действительным статским советником; церемониймейстером (с 1856 года); наконец, с 1871 года состоял на службе в Министерстве внутренних дел. В 1831 году же-

нился на О.А. Булгаковой, младшей дочери московского почт-директора А.Я. Булгакова (отметим, что Д. с 1856 года в течение некоторого времени состоял при почтовом департаменте); в этом браке родились дочь Александра (1831–?), крестница императора, в замужестве Львова, и сын Николай (1833–1873), который окончил медицинский факультет Московского университета и принимал участие в Крымской войне и обороне Севастополя.

⁶⁾ *Все мои тебе усердно бьют челом и часто вспоминают, напевая Пустынника.* Речь идет об одной из наиболее известных баллад В.А. Жуковского «Пустынник», опубликованной в 1813 году. Текст ее был положен на музыку немецким композитором Людвигом Вильгельмом Маурером, который с 1821 г. занимал должность композитора и капельмейстера Императорских театров в Петербурге. Как отмечает И.А. Поплавская, «в сознании современников поэта баллада “Пустынник” в значительной степени выразила “сущность и характер романтизма средних веков” [22. С. 175]», а также «оказала воздействие на нравственное образование новых поколений» [23. С. 279]; подробнее об этом см. в: [23. С. 277–280].

2

Москва, даже Крухмальные ворота¹⁾
10 августа 1835 ____

Я ли не верою и правдою тебе служу? Я ли не исполняю твои комиссии? А ты все-таки редко мне даешь препоручения, редко посылаешь грамотки в белокаменную сторонку, а послушай, что в народе говорят: вить Жуковский-то первый писака на Руси! вить он и наследника-то учит азбуке... Так, упаси Боже, долго ли до беды? Как сам разучишься писать, так как же учить станешь других? А от лени до поглупения долго ли? Да тебе что пользы, спросит иной, что Жуковский будет писать другим? А вот та польза, что при сих верных оказиях и на мою долю парочка слов перепадает. Благодарю тебя, добрый человек, за строки от 4 авг<уста>²⁾. Доношу, что два письма доставлены, в чем вот тебе и расписки, а как Елагина нет в Москве, то я, по инструкции твоей сделав надпись, отправлю письмо сегодня же в Белев³⁾, адресую почтмейстеру Чижову и рекомендую особенно. Не короче ли бы из Петербурга на Елагин, чем посылать через Москву и Белев? Ну что поделывает наш добрый Вяземский. Время – великое лекарство, заживит и его рану глубокую⁴⁾. Зачем не пишет никому? Обними его за нас всех и скажи ему, что ушко об нем вспоминает и горюет, что не слышит его голоса давно⁵⁾. Да благословит Бог плавание наших ангелов! Я покоен, ибо с Их Величествами генерал-адмирал, все будет идти как по маслу⁶⁾. Когда же ты женишься? Когда я буду прадедом! Нет, брат, тогда поздно уже будет. Обнимаю тебя душевно. Христос с тобою. Будь здоров и помни твоего товарища, ты поэт, а я и брат, как говаривал покойный Ланжерон⁷⁾, мы des hommes de lettres²⁾. Свой своему брат поневоле. А<лександр> Тур<генов> умолк!⁸⁾

Булгаков

Автограф: ИРЛИ. № 27942. Л. 5–6.
Публикуется впервые.

¹⁾ *Москва, даже Крухмальные ворота.* Имеются в виду Московские Триумфальные ворота (Триумфальная арка). Так, Николай Сергеевич Ашукин, бывший наряду с Сергеем Ивановичем Ожеговым автором «Словаря к песням А.Н. Островского», «мог дать полезный совет, например, и по такому необычному вопросу, который возник у его соавтора в связи с необходимостью расшифровать выражение *крухмальные ворота*: “Не знаете ли, где найти материалы о постройках в Москве Триумф<альных> ворот деревянных, начиная с Петра, чтобы узнать, стояли ли на них статуи (Нептуна или других)”» [24. С. 116].

²⁾ *Благодарю тебя, добрый человек, за строки от 4 авг<уста>.* Имеется в виду краткое послание В.А. Жуковского, действительно насчитывающее лишь несколько строк, в котором он, именуя Булгакова «дитя мое дитятское, душка моя милая», обращается к почт-директору Москвы с обычной просьбой разослать по адресам «несколько пакет-цов» [25. Л. 1].

³⁾ *...а как Елагина нет в Москве, то я, по инструкции твоей сделав надпись, отправлю письмо сегодня же в Белев...* В том же письме от 4 августа 1835 г. Жуковский предписывает адресату, «если паче чаяния нет Елагина в Москве, то благоволи надписать на пакете следующий адрес: В Белев, в село Долбино. Очень обяжешь. Письмо нужное» [25. Л. 1]. Речь идет о письме Алексею Андреевичу Елагину от 2 августа 1835 г., в котором Жуковский по просьбе Авдотьи Петровны Елагиной выражает ее беспокойство по поводу того, что «ни от кого нет писем», уведомляет о том, что «при отъезде своем отсюда она получила <...> кредитив в 5 000 рублей», и просит выслать ему эти деньги для возвращения Сегеню, одному из совладельцев петербургского банковского дома “Duval et Séguin”, наконец, оглашает сложности пересылки экземпляра своих сочинений [26. Л. 1–1 об.], о презентации которого мужу хлопотала Елагина в письме от 24 июня 1835 г.: «Еще просьба: напишите несколько слов в Белев к моему мужу, если можно, пошлите ему экземпляр ваших сочинений с портретом, подписавши его имя вашей рукой. Ему будет это награда за все пожертвования, которые он сделал для меня и за которые, если не я, то ласка родных моих, должна заплатить ему» [27. С. 405–406].

Елагин, Алексей Андреевич (1790–1846), литератор, поклонник немецкой идеалистической философии. Поручик 13 артиллерийской бригады, участник Отечественной войны 1812 года. Уйдя в отставку в чине штабс-капитана артиллерии, поселился в своем белевском имении. В 1817 году женился на Евдокии (Авдотье) Петровне Юшковой (1789–1877), бывшей его троюродной сестрой, вдове Василия Ивановича Киреевского, мать которой, Варвара Афанасьевна Юшкова (урожденная Бунина), являлась родной сестрой (по отцу) В.А. Жуковского; свою единокровную сестру поэт «хранителем своего детства» [28. С. 13–15].

⁴⁾ *Ну что поделявает наш добрый Вяземский. Время – великое лекарство, заживит и его рану глубокую.* Подразумевается глубокая скорбь и тяжелейшее душевное состояние Вяземского, связанные с переживанием смерти его дочери. Вяземская, Прасковья Петровна (1817–1835) – вторая дочь П.А. Вяземского, умершая от чахотки 11 марта 1835 года. Пушкин сообщал жене в конце июля 1834 года: «Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку; бояться чахотки. Дай бог, чтоб юг ей помог. Сегодня видел во сне, что она умерла, и проснулся в ужасе» [29. С. 395]. Гоголь, по словам которого «нет лучшей участи, как умереть в Риме», ибо «целой верстой здесь человек ближе к божеству» (письмо П.А. Плетневу от 2 ноября 1837 года) [30. С. 114], будучи в Италии, навестил ее могилу на Римском некатолическом кладбище, о чем пронзительно писал Вяземскому в письме от 25 июня 1838 г.: «Еще не так давно был я вместе с княгиней Зин<аидой> Волхонской на знако-

мой и близкой вашему сердцу могиле. Кусты роз и кипарисы растут; между ними прокрались какие-то незнакомые два-три цветка. Я уважаю те цветы, которые вырастают сами собою на могиле. Мне все кажется, что это речи усопшего к нам, но мы глядим, силимся и не можем понять их. Потом я был еще один раз с одним москвичом, знающим вас, – и вновь уверился, что эта могила не сирота: в Италии нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему» [30. С. 156–157].

⁵⁾ *...ушко об нем вспоминает и горюет, что не слышит его голоса давно.* Булгакова, Екатерина Александровна (1811–1880) – старшая дочь А.А. Булгакова, фрейлина двора Александры Федоровны, жены Николая I (с 1830 г.), впоследствии статс-дама. С 1835 года замужем за Павлом Дмитриевичем Соломирским, офицером лейб-гвардейского Гусарского полка. Подобно сестре Ольге, слыла одной из московских красавиц (так, Пушкин сообщает жене в письме от 27 августа 1833 г., что «вчера, приехав поздно домой, нашел я у себя на столе карточку Булгакова, отца красавиц, и приглашение на вечер» [29. С. 343], а по словам графа Михаила Дмитриевича Бутурлина, она «нечто вроде греческого типа, с блестящим цветом лица» [31. С. 237]); при этом у нее была одна особенность внешности: от застенчивости или смущения краснело не лицо, а уши, и Вяземский со свойственным ему остроумием прозвал ее *ушко* [32. С. 110–111].

⁶⁾ *Да благословит Бог плавание наших ангелов! Я покоен, ибо с Их Величествами генерал-адмирал, все будет идти как по маслу.* Речь, вероятно, идет о том, что в августе 1835 г. Николай I с супругой отправились в Теплиц, где император должен был участвовать во встрече с австрийским императором Фердинандом I и прусским королем Фридрихом Вильгельмом III для обсуждения закладки памятника в честь русской гвардии на поле Кульмского боя: «14/26 сентября поутру приехал в Теплиц император Николай, в тот же вечер – императрица Александра Федоровна и король Прусский. <...> 17/29 сентября, в годовщину битвы при Кульме, состоялась закладка памятника» [33. С. 82, 83, 85]. Об этом упоминает и Жуковский в уже цитированном письме от 4 августа 1835 года: «Мы осиротели. Царь и царица уехали. Живем смиренно в Царском Селе и работаем потихоньку» [25. Л. 1]. Сопровождавший императорскую чету в Германию генерал-адмирал – это великий князь Константин Николаевич (1827–1892), второй сын императора Николая Павловича и супруги его императрицы Александры Федоровны, который с раннего детства предназначен был своим родителем стать во главе русского военного флота и морского управления, и потому, когда ему не исполнилось еще четырех лет, он был назначен, 22 августа 1831 г., генерал-адмиралом и шефом гвардейского экипажа [34. С. 120]. Так что выраженное Булгаковым верноподданническое упование на то, что путешествие будет благополучным ввиду того, что родителей сопровождает семилетний генерал-адмирал, вряд ли оправдано и, желал того автор послания или нет, представляется довольно ироничным.

⁷⁾ *...как говаривал покойный Ланжерон...* Ланжерон, Александр Федорович (1763–1831) – граф, русский военачальник эпохи Наполеоновских войн, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии с 1815 по 1822 годы. Цитирование его Булгаковым в приведенном контексте может быть связано, во-первых, с тем, что во время Французской революции Л., пребывая в Лондоне, сочинил несколько пьес («Масаниэлла», «Розамонда», «Мария Стюарт») и одну комедию («Притворное столкновение»), а также вел дневники, в которых фиксировал свое видение и оценку каждой из военных кампаний, в которых ему довелось участвовать, и оставил пространные мемуары, таким образом, не будучи литератором, ставший в 1811 году генералом от инфантерии Л. был не чужд литературы, каковую роль и примеряет на себя и брата Константина московский почт-директор. Во-

вторых, Булгаков вполне может иметь в виду то, что французский эмигрант Л. до конца жизни отличался не лучшим знанием русского языка, что вышучивается Пушкиным в письме Елизавете Михайловне Хитрово от 19–24 мая 1830 года: “J’ai le dégoût des affaires et *des boumagui*, comme le dit le comte Langeron” [29. С. 226]. В «Примечаниях», которыми снабжено это издание, приводится перевод иронической пушкинской фразы на русский язык: «Я питаю отвращение к делам и к *des boumagui*, как выражается граф Ланжерон» [29. С. 639].

⁸⁾ *А<лександр> Тур<гев> умолк!* Тургенев, Александр Иванович (1784–1845) – один из четырех братьев Тургеневых – Андрея, Александра, Сергея, Николая, – ставших воплощением «нового типа человеческой личности, людей совести и чести» [9. С. 20]. Философия внутренней свободы, впитанная им во время воспитания в Московском университетском пансионе вместе с Жуковским, дружба с которым длилась до самой кончины Т., привела к тому, что после вынесения обвинения его брату декабристу Николаю Ивановичу Тургеневу, ставшему государственным преступником первого разряда и оказавшемуся вынужденным эмигрантом, «почти 20 лет он скитался по Европе, лишь на короткое время возвращаясь в Россию», являясь «свободным русским литературным корреспондентом, несмотря на цен-

зурные условия времени Николая I» [35. С. 339], и стал автором скандальной «Хроники русского». Все это не мешало его дружбе и активной переписке с А.Я. Булгаковым. Именно московский почт-директор сообщил Жуковскому о смерти их общего друга в скорбном письме от 4 декабря 1845 года: «Ежели письма мои доставляли тебе некоторое удовольствие, любезнейший друг, то сегодняшнее, к крайнему моему соболезнованию, несказанно тебя огорчит, ибо возвестит тебе общее горе: нашего доброго Тургенева не стало!» [26. Л. 65]. Замечание Булгакова «*А<лександр> Тур<гев> умолк!*», венчающее письмо Жуковскому от 10 августа 1835 года, вероятно, связано с тем, что 27 января 1835 года Т. покинул Москву и отправился в очередное заграничное странствие, из коего вернулся летом 1836 года. И несмотря на то, что его путевые впечатления зафиксированы в многочисленных публикациях, появлявшихся в журналах от «Московского наблюдателя» до пушкинского «Современника» (см. об этом пребывании А.И. Тургенева за границей подробно: [36. С. 476–486]), переписка с Булгаковым в течение этого времени вполне могла перестать быть интенсивной. В «Письмах Александра Тургенева Булгакову» послание Т. старшему из братьев, напрямую следующее за датированным 1831 годом, писано 8/20 февраля 1836 года (см.: [37. С. 188–189]).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иронично, что спустя 11 лет, в 1841 г., Булгаков овдовел, а спустя еще 4 года сам стал «церемон[иться] в мужья записаться» и за две недели до своего 64-летия заключил новый брак, с Емерикой Адамовной Мацневой.

² Литераторы (*фр.*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои: отрывки из дневника. Междоцарствие // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 4 (232). С. 55–67.
2. Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои: отрывки из дневника // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 5 (233). С. 76–90.
3. Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои: отрывки из дневника. Лопухин, Витберг, Аракчеев. Сентябрь 1826 г.; 1827 г. // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 6 (234). С. 59–72.
4. Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои: отрывки из дневника. Холера морбус, 1830 г. // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 7 (235). С. 68–81.
5. Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои: отрывки из дневника // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 8 (236). С. 74–90.
6. Булгаков А.Я. Москвич в Петербурге. Из «Современных записок и воспоминаний моих» // Наше наследие. 2014. № 112. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/bulgakov01.php (дата обращения: 31.10.2021).
7. Шумихин С.В. Предисловие // Булгаков А.Я. Москвич в Петербурге. Из «Современных записок и воспоминаний моих»: Наше наследие. 2014. № 112. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/bulgakov01.php (дата обращения: 31.10.2021).
8. Петров А.В. Два письма А.Я. Булгакова В.А. Жуковскому о смерти Гоголя // Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 1. С. 510–515.
9. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века : учеб. пособие. М. : Флинта, 2013. 748 с.
10. Лотман Ю.М. Пушкин Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб. : Искусство-СПб, 1995. 847 с.
11. Русская старина. 1880. № 9.
12. Шумихин С.В., Юрьев К.С. Из дневника московского почт-директора // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. СПб. : Наука, 1991. Вып. 24. С. 116–127.
13. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб. : Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1882. Т. 7. 520 с.
14. Булгаков А.Я., Булгаков К.Я. Письма : в 3 т. М. : Захаров, 2010. Т. 1. 752 с.
15. Булгаков А.Я., Булгаков К.Я. Письма : в 3 т. М. : Захаров, 2010. Т. 2. 672 с.
16. Булгаков А.Я., Булгаков К.Я. Письма : в 3 т. М. : Захаров, 2010. Т. 3. 624 с.
17. Третьяков Е.О. Сюжет смерти А.И. Тургенева в письмах А.Я. Булгакова В.А. Жуковскому 1845 года // Gaudeamus Igitur. 2019. № 3. С. 23–27.
18. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ). № 27942.
19. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л. : Советский писатель, 1974. 409 с.
20. Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М. : Московский рабочий, 1990. 416 с.
21. Грачева И. Соперницы прекрасной Натали // Наука и жизнь. 2006. № 2. С. 40–45.
22. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 7. 799 с.
23. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2008. Т. 3: Баллады. 456 с.
24. Никитин О.В. «Оказывается, что “Словарь Островского” в Главлите еще не подписан...» (из переписки Н.С. Ашукина и С.И. Ожегова 1940–1960-х годов) // Научный диалог. 2021. № 6. С. 113–135.
25. Российская национальная библиотека (РНБ). Оп. 2. № 82.
26. ИРЛИ. № 29403.
27. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852. М. : Знак, 2009. 728 с.
28. Афанасьев В.В. Жуковский. М. : Молодая гвардия, 1986. 398 с.
29. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Л. : Наука. Ленингр. отд., 1977–1979. Т. 10: Письма. 711 с.

30. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 11. Письма, 1836–1841. 484 с.
31. Бутурлин М.Д. Записки графа М.Д. Бутурлина. М. : Русская усадьба, 2006. Т. 1. 651 с.
32. Русский Архив. 1879. Кн. II.
33. Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1889. XV, 459 с.
34. Русский биографический словарь. СПб. : Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913. Т. 9: Кнаппе–Кюхельбекер. 708 с.
35. Шикман А.П. Деятели отечественной истории : в 2 т. : биографический словарь-справочник. М. : АСТ, 1997. 448 с.
36. Гиллельсон М.И. А.И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М. ; Л. : Наука, 1964. 441–504.
37. Письма Александра Тургенева Булгаковым. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 378 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 ноября 2021 г.

Representation of Alexander Bulgakov's Personality in His Correspondence With Vasily Zhukovsky (Based on Two Letters From Bulgakov to Zhukovsky in 1830–1835 From the Archive of the Ras Institute of Russian Literature)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 80–88.

DOI: 10.17223/15617793/473/10

Evgeniy O. Tretyakov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shvarcengopf@mail.ru

Keywords: Alexander Bulgakov; Vasily Zhukovsky; Russian epistolary culture; textology.

The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF), Grant No. 19-18-00083: Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication.

This article introduces into scholarly discourse two letters from the Moscow postal director Alexander Bulgakov to Vasily Zhukovsky. The letters were written in 1830–1835 and are interesting for the representation of the personality of Bulgakov, who is known to the general public mainly in the outrageous role of the postmaster who opened letters written by Alexander Pushkin. Bulgakov's real figure, reflected in his correspondence with Zhukovsky, turns out to be more complex and significant. The first letter begins with a humorous greeting, which is characteristic of Bulgakov's epistolary manner of communication with Zhukovsky. Then Bulgakov tells his friend about the fee he received from Vyazemsky. After that he calms Zhukovsky, who is worried about the outbreak of cholera, first in the history of Russia. The latter manifests the inner resilience of Bulgakov, Zhukovsky's loyal friend and correspondent in Moscow: he makes optimistic predictions that "we would rather all get well than die"; loyally admires the courageous deed of Emperor Nicholas I, who arrived in the city; cheerfully anticipates a theatrical performance at the Bolshoi Theater; announces the engagement of his youngest daughter, the beautiful Olga, to Prince A.S. Dolgorukov; flirtatiously blames the 47-year-old Zhukovsky for his resisting to get married while Bulgakov himself is about to become a grandfather (being 48 years old at the time); and, finally, life-lovingly completes the message with another assurance that cholera will not affect him. This letter presents an outline of Bulgakov's living space – from sincere admiration for the emperor to a passion for culture – where friendship occupies a significant place, which is obvious both in the tone of the letter to Zhukovsky and in the mentions of Vyazemsky. Unlike the first letter, which opens with a mild reproach of the addressee for ignoring the correspondent's duty, the second letter, after the obligatory humorous preamble crowned with an appeal to actively write, contains an expression of gratitude "for the lines of August 4", in which Zhukovsky asks to deliver several letters. The second letter ends with an expression of hope that the trip of the royal couple to Germany will be pleasing, a friendly joke about Zhukovsky's protracted bachelor life, the indispensable "I embrace you sincerely. Christ is with you", a witty remark that includes an obligatory French inclusion, and a comment "Alexander Turgenev is silent!". Between these, Bulgakov mentions the grief that befell on Vyazemsky (implying his daughter's death from phthisis), and the order to hug him. Like in the previous message, life and death coexist on the pages of this letter, but its tone, the expressed belief in the beneficial effects of time, finally, the indicated intimate detail that introduces the context of human communication, which serves as a counterbalance to gloomy thoughts about the inevitability and suddenness of death, – all this testifies to Alexander Bulgakov's inherent "lightness", a distinctive feature of his remarkable correspondence with Zhukovsky.

REFERENCES

1. Bulgakov, A.Ya. (2010) Sovremennye zapiski i vospominaniya moi: otryvki iz dnevnika. Mezhdutsarstvie [Modern notes and memoirs of mine: excerpts from the diary. Interregnum]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 4 (232). pp. 55–67.
2. Bulgakov, A.Ya. (2010) Sovremennye zapiski i vospominaniya moi: otryvki iz dnevnika [Modern notes and memoirs of mine: excerpts from the diary]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 5 (233). pp. 76–90.
3. Bulgakov, A.Ya. (2010) Sovremennye zapiski i vospominaniya moi: otryvki iz dnevnika. Lopukhin, Vitberg, Arakcheev. Sentyabr' 1826 g.; 1827 g. [Modern notes and memoirs of mine: excerpts from the diary. Lopukhin, Witberg, Arakcheev. September 1826; 1827]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 6 (234). pp. 59–72.
4. Bulgakov, A.Ya. (2010) Sovremennye zapiski i vospominaniya moi: otryvki iz dnevnika. Kholera morbus, 1830 g. [Modern notes and memoirs of mine: excerpts from the diary. Cholera morbus, 1830]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 7 (235). pp. 68–81.
5. Bulgakov, A.Ya. (2010) Sovremennye zapiski i vospominaniya moi: otryvki iz dnevnika [Modern notes and memoirs of mine: excerpts from the diary]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 8 (236). pp. 74–90.
6. Bulgakov, A.Ya. (2014) Moskvich v Peterburge. Iz "Sovremennykh zapisok i vospominaniy moikh" [A moscovite in Petersburg. From "Modern notes and memoirs of mine"]. *Nashe nasledie*. 112. [Online] Available from: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/bulgakov01.php (Accessed: 31.10.2021).
7. Shumikhin, S.V. (2014) Predislovie [Preface]. *Nashe nasledie*. 112. [Online] Available from: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/bulgakov01.php (Accessed: 31.10.2021).
8. Petrov, A.V. (2010) Dva pis'ma A.Ya. Bulgakova V.A. Zhukovskomu o smerti Gogolya [Two letters of A.Ya. Bulgakov to V.A. Zhukovsky about Gogol's death]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 510–515.
9. Yanushkevich, A.S. (2013) *Istoriya russkoy literatury pervoy trety XIX veka* [History of Russian Literature of the First Third of the 19th Century]. Moscow: Flinta.
10. Lotman, Yu.M. (1995) *Pushkin Biografiya pisatelya. Stat'i i zametki. 1960–1990. "Evgeniy Onegin". Kommentariy* [Pushkin Biography of the Writer. Articles and notes. 1960–1990. "Eugene Onegin". Commentary]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.
11. *Russkaya starina*. (1880) 9.

12. Shumikhin, S.V. & Yur'ev, K.S. (1991) Iz dnevnik Moskenskogo pochto-direktora [From the diary of the Moscow post director]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Vremennik Pushkinskoy komissii* [Chronicle of Pushkin Commission]. Vol. 24. Saint Petersburg: Nauka. pp. 116–127.
13. Vyazemskiy, P.A. (1882) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Saint Petersburg: Izd. gr. S.D. Sheremeteva.
14. Bulgakov, A.Ya. & Bulgakov, K.Ya. (2010) *Pis'ma* [Letters]. Vol. 1. Moscow: Zakharov.
15. Bulgakov, A.Ya. & Bulgakov, K.Ya. (2010) *Pis'ma* [Letters]. Vol. 2. Moscow: Zakharov.
16. Bulgakov, A.Ya. & Bulgakov, K.Ya. (2010) *Pis'ma* [Letters]. Vol. 3. Moscow: Zakharov.
17. Tret'yakov, E.O. (2019) Plot of the death of A.I. Turgenev in the letters of A.Ya. Bulgakov to V.A. Zhukovsky 1845. *Gaudeamus Igitur*. 3. pp. 23–27. (In Russian).
18. Institute of Russian Literature of RAS (IRLI). File 27942. (In Russian).
19. Ginzburg, L.Ya. (1974) *O lirike* [On Lyrics]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
20. Pylyayev, M.I. (1990) *Staraya Moskva: Rasskazy iz byloy zhizni pervoprestol'noy stolitsy* [Old Moscow: Stories from the former life of the First Capital]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
21. Gracheva, I. (2006) Sopernitsy prekrasnoy Natali [Rivals of the beautiful Natalie]. *Nauka i zhizn'*. 2. pp. 40–45. (In Russian).
22. Belinskiy, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: USSR AS.
23. Zhukovskiy, V.A. (2008) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
24. Nikitin, O.V. (2021) “It turns out Glavlit has not yet signed off on Ostrovsky dictionary...” (correspondence of N.S. Ashukin and S.I. Ozhegov 1940–1960s). *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 6. pp. 113–135. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-113-135
25. National Library of Russia (RNB). List. 2. File 82. (In Russian).
26. Institute of Russian Literature of RAS (IRLI). File 29403. (In Russian).
27. Zhilyakova, E.M. (ed.) (2009) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elagina: 1813–1852* [Correspondence between V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina: 1813–1852]. Moscow: Znack.
28. Afanas'ev, V.V. (1986) *Zhukovskiy* [Zhukovsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
29. Pushkin, A.S. (1977–1979) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 10. Leningrad: Nauka.
30. Gogol', N.V. (1937–1952) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 11. Moscow; Leningrad: USSR AS.
31. Buturlin, M.D. (2006) *Zapiski grafa M.D. Buturlina* [Notes of Count M.D. Buturlin]. Vol. 1. Moscow: Russkaya usad'ba.
32. *Russkiy Arkhiv*. (1879) 2.
33. Tatishchev, S.S. (1889) *Imperator Nikolay i inostrannyye dvory. Istoricheskie ocherki* [Emperor Nicholas and Foreign Courts. Historical essays]. Saint Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
34. Polovtsov, A.A. (ed.) (1896–1913) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 9. Saint Petersburg: Imp. Rus. ist. o-vo.
35. Shikman, A.P. (1997) *Deyateli otechestvennoy istorii* [Figures of National History]. Moscow: AST.
36. Gille'son, M.I. (1964) A.I. Turgenev i ego literaturnoe nasledstvo [A.I. Turgenev and his literary legacy]. In: Turgenev, A.I. *Khronika russkogo. Dnevnik (1825–1826 gg.)* [Chronicle of a Russian. Diaries (1825–1826)]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 441–504.
37. Turgenev, A.I. (1939) *Pis'ma Aleksandra Turgeneva Bulgakovym* [Letters of Alexander Turgenev to Bulgakov]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.

Received: 20 November 2021